

Хотя и не в этом суть, но во многом история эта правдива.

СМЕРШ (сокращение от «*смерть шпионам*»¹) действительно существует — и поныне остается самым секретным департаментом советского правительства.

К началу 1956 года, когда была закончена эта книга, СМЕРШ насчитывал у себя дома и за рубежом до 40 000 человек, и его шефом был генерал Грубозабойщиков (он описан мною точно).

Штаб-квартира СМЕРШа и ныне находится там же, куда я поместил ее в четвертой главе: в Москве, на Сретенке, 13². В ее достоверно описанном конференц-зале действительно встречаются шефы разведки — реальные лица, которые часто вызываются туда по причинам, схожим с нижеизложенными.

Йен Флеминг. Март 1956 года

¹ Употребленные автором в английском тексте русские слова и выражения выделены мною курсивом (*здесь и далее примечания переводчика*).

² Это теперь жилой дом. Возможно, автор имел в виду Лубянку, 13, принадлежавшую ЧК — МИД, где сейчас находится спортивный клуб.

Часть I

ПЛАН

Глава 1

Земля роз

Голый мужчина, лежавший ничком неподалеку от бассейна, казался мертвым.

Он походил на утопленника, выловленного из воды и оставленного обсыхать до прихода полиции. Даже кучка вещей, валявшихся на траве рядом с его головой, казалась забытой щепетильными спасателями, дабы их не заподозрили в краже.

Судя по этим вещам, мужчина был богат — то были типичные аксессуары члена «клуба богачей»: сделанный из мексиканской пятидесятидолларовой монеты зажим для банкнот с внушительной пачкой денег; хорошо попользованная золотая зажигалка «Донхилл»; овальный золотой портсигар с волнистыми ободами и бирюзовой застежкой (без сомнения, «Фаберже») и книжка — из тех, что обычно берут почитать в саду состоятельные люди — «Маленький самородок» старика Вудхауза¹. Тут же лежали массивные зо-

¹ Вудхауз Пэлэм Гренвилл (1881 — 1975) — английский писатель, автор многих книг для детей, сериалов.

лотые часы на потертом ремешке из крокодиловой кожи: модель «Жерар-Перражо» для любителей всяческих технических устройств, имевшая секундную стрелку и два окошечка на циферблате: число, месяц и фазы Луны (в тот момент часы показывали 2 часа 30 минут 10 июня и на три четверти полную Луну).

Голубая с зеленым стрекоза вылетела из куста роз в углу сада и повисла в нескольких дюймах¹ над спиной мужчины. Ее привлек золотой солнечный отблеск на кончике волос. С моря подул ветер. Лужайка мягких светлых волос плавно колыхнулась. Стрекоза резко отпрянула и зависла над левым плечом мужчины, нацеливаясь вниз. Трава под открытым ртом мужчины шевельнулась. Большая капля пота скатилась с мясистого носа и, сверкнув, исчезла в земле. Этого было достаточно: может, это была и неплохая пища, но она шевелилась. Стрекоза взмыла над кустами роз и скрылась за высоким забором.

Сад, в котором лежал мужчина, занимал около акра² хорошо подстриженного газона, с трех сторон окаймленного кустами роз, в которых немолчно жужжали пчелы. К их нагонявшему сон жужжанию примешивался плеск волн, шуршавших под утесом в конце сада.

¹ Д ю й м — 2,54 см.

² А к р — 4047 кв. м.

Моря из сада видно не было — оставалось любоваться лишь небом да облаками. Впрочем, вид на море открывался из окон двух верхних спален виллы, стоявшей на краю этого сугубо частного участка: оттуда было видно огромное пространство голубой воды, а с противоположной стороны — верхние этажи соседних вилл, окруженных вечнозелеными средиземноморскими дубами, кедрами и редкими пальмами.

Виллу — плоскую удлиненную коробку без украшений — построили недавно. На бледно-розовом фасаде со стороны сада имелись четыре окна с металлическими рамами, в центре — стеклянная дверь, от которой к газону вели отделанные светло-голубой плиткой ступеньки. Другая сторона виллы, отстоявшая в нескольких ярдах¹ от запыленной дороги, была почти такой же, но окна ее закрывались ставнями, а дверь — отделана дубом. На верхнем этаже виллы находились две среднего размера спальни; на первом — гостиная и кухня с частью, отгороженной под уборную; ванной не было.

Роскошную и дремотную полуденную тишину нарушил шум машины, остановившейся перед виллой. Потом звонко хлопнула дверца — и машина покатила дальше. Дважды звякнул звонок. Обнаженный мужчина у бассейна не шевель-

¹ Ярд — 91,44 см.

нулся, хотя при звуках машины и звонка веки его встрепенулись, подобно ушам насторожившегося животного, а глаза широко раскрылись. Он мгновенно вспомнил и место, в котором он находился, и день недели, и время дня. Звуки тоже были идентифицированы. Затем веки с короткими белесыми ресницами закрыли ярко-голубые, туповато-непроницаемые глаза. Маленькие жесткие губы широко растянулись в зевке, вызвавшем приток слюны. Мужчина сплюнул в траву и застыл в ожидании.

Молодая женщина в белой хлопчатой блузке и коротенькой голубой юбке открыла стеклянную дверь, спустилась по ступенькам к газону и направилась к голому мужчине. Не дойдя нескольких ярдов до него, она бросила на траву сетку, которую держала в руке, села и сняла свои дешевые, весьма грязные туфли. Затем она поднялась, расстегнула блузку, сняла ее и, аккуратно свернув, положила рядом с сеткой.

Под блузкой у девушки ничего не было надето. Ее тело покрывал приятный загар, плечи и прекрасные груди источали здоровье. Когда девушка стала расстегивать юбку, под мышками обнаружили маленькие островки мягких волос. Здоровый крестьянский облик довершали широкие бедра в выгоревших голубых плавках и полные, короткие ноги.

Девушка столь же аккуратно уложила юбку рядом с блузкой, вынула из сетки старую бутылку из-под минеральной воды, наполненную тяжелой бесцветной жидкостью, подошла к мужчине и опустилась рядом с ним на колени. Затем она вылила меж его лопаток немного оливкового масла, умасленного, как все в этой части мира, розами, и, размяв пальцы, как пианистка перед началом игры, стала массировать его спинные и шейные мышцы.

Работа давалась с трудом. Мужчина был необыкновенно силен, и его выпуклые мускулы едва поддавались пальцам девушки, даже когда она надавливала на них всем плечом. К концу массажа она обычно исходила потом и так уставала, что готова была просто рухнуть в бассейн, а потом спать где-нибудь в тени до возвращения машины. Но в то время как ее руки автоматически работали, думала она совсем о другом. Ее пронизывал безотчетный ужас перед этим самым прекрасным из когда-либо виденных ею тел.

Этот ужас никак не отражался на плоском бесстрастном лице массажистки, и черные, слегка косящие глаза под грубой челкой были выразительны не более чем нефтяные пятна. Но внутри у нее словно бы выло встревоженное животное, и сердце билось учащенно.

Снова — в который раз за последние два го-

да! — она удивлялась, почему ей так противно это дивное тело, и пыталась проанализировать свое чувство (а ну как на этот раз она сумеет преодолеть это отвращение, казавшееся ей с профессиональной точки зрения более непростительным, чем половое влечение, которое иногда вызывали в ней пациенты?).

Начать с малого — с его волос. Она взглянула на маленькую круглую голову на мускулистой шее. Голова эта была покрыта тугими рыжими кудрями, напоминавшими роскошные шевелюры классических статуй, знакомых ей по открыткам. Но в то же время эти кудри были как-то слишком уж тугими, слишком уж плотно прижались и друг к другу, и к черепу. Вид их, подобно звуку царапающего по стеклу железа, вызывал у нее оскомину. К тому же эти золотые кудри опускались по шее слишком низко: до пятого шейного позвонка (именно она употребила профессиональный термин) — и там вдруг кончались прямой резкой линией.

Девушка решила дать отдых рукам и присела на корточки. Ее восхитительный торс блестел от пота. Тыльной стороной ладони она вытерла лоб и, взяв бутылку с маслом, вылила немного жидкости на маленькую мохнатую полянку в основании позвоночника мужчины. Этот эмбриональный хвостик волос над ягодицами был бы весе-

лым и восхитительным у любовника, но у этого мужчины он казался чем-то отвратительно змеиным. Нет, змеиным. Впрочем, змеи безволосы, но все равно — змеиным.

Размяв пальцы, девушка снова склонилась над мужчиной и стала массировать бугры его ягодиц. В такие минуты многие ее пациенты, особенно молодые футболисты, начинали заигрывать с нею. Затем, если она не была настороже, следовало предложение. Порой, чтобы успокоить мужчину, она резко нажимала на болевую точку. А порою, если находила его привлекательным, хихикала, отнекивалась, затем недолго сопротивлялась — и быстро, со сладостью отдавалась.

С этим человеком все было иначе. С первого взгляда он показался ей грудой неодушевленного мяса. За два года он не сказал ей ни слова. Когда она завершала массаж его спины и он переворачивался, ни его глаза, ни его тело ни разу не выказали ни малейшего интереса к ней. После ее хлопка по плечу он перекатывался и смотрел полуприкрытыми зрачками в небо. Изредка он широко зевал — и это было единственной его маломальски человеческой реакцией.

Девушка передвинулась и начала неторопливо разрабатывать ахиллесово сухожилие правой ноги. Она опять взглянула на прекрасное тело.

Может, ее отвращение имеет чисто физиологический характер? Может, это из-за красноватого загара когда-то белесой, а теперь напоминавшей цветом сырое мясо кожи с широкими и глубокими порами? Или — из-за множества веснушек на плечах? Или — из-за холодности мужчины, из-за безразличия этих восхитительных мощных мускулов? А может, все это было духовного свойства — животный инстинкт подсказывал ей, что внутри этого изумительного тела живет гадкая душа.

Массажистка поднялась и стала, раскачивая головой, разминать свои плечи. Она размахивала руками, отгоняя от них кровь. Затем подошла к сетке и, вынув полотенце, вытерла пот с лица и тела.

Когда она вернулась к мужчине, тот уже перевернулся и, подложив одну руку под голову, а другую вытянув на траве для массажа, смотрел в небо. Сев на колени, девушка втерла немного масла в ладони и принялась разминать короткие, пухлые пальцы мужчины.

Она внимательно взглянула в кирпичного цвета лицо под короной тугих золотистых кудрей: милая, немного курносая физиономия. Как у мясника или у толстого розовощекого мальчишки с круглым подбородком. Но при более внимательном взгляде в тонкогубом маленьком

рту обнаруживалось нечто жесткое, широкие ноздри вздернутого носа напоминали свинячьи, а пустота бледно-голубых глаз наводила на мысль о покойнике. Девушка подумала, что он похож на размалеванную кем-то для устрашения куклу.

Массажистка перешла к мощным бицепсам. Где он разработал эти невероятные мускулы? Был ли он боксером? На что он употреблял эту свою страшную мускулатуру? Ходили слухи, что эта вилла принадлежала силам безопасности. Двое здешних слуг были явно профессиональными охранниками, хотя в доме они только готовили пищу и занимались уборкой. Регулярно, каждый месяц, ее пациент на несколько дней исчезал — и девушку предупреждали, чтобы она не приходила. А иногда ей велели не приходить в течение недели-двух или месяца. Как-то после одной из таких отлучек вся его шея и верхняя часть туловища оказались в страшных синяках. В другой раз, на ребрах, под самым сердцем, был приклеен пластырь, из-под которого выглядывал красный краешек полузажившей раны. Девушка никогда не осмеливалась спросить о нем ни у себя в больнице, ни где бы то ни было еще в городе: когда ее впервые привезли на эту виллу, один из служащих предупредил ее, что если она будет болтать, то попадет в тюрьму. Заведующий больницей, который прежде не замечал ее существо-

вания, вызвал ее и повторил то же самое: она может попасть в тюрьму.

Сильные пальцы девушки нервно разминали дельтовидную мышцу на плече. Она догадывалась, конечно, что все это, видимо, относится к государственной безопасности. Может, именно это и отпугивало ее в этом восхитительном теле? Может, все это — просто страх перед организацией, опекавшей это тело? Девушка зажмурилась при мысли о том, кем мог быть этот человек и как он может распорядиться ее судьбой. Но тут же быстро открыла глаза: ведь он мог заметить! Однако мужчина отсутствующе глядел в небо.

Она вновь потянулась за маслом: теперь очередь была за лицом.

Она слегка провела пальцами под его глазницами, когда в доме раздался телефонный звонок, нетерпеливо разнесшийся по тихому саду. Мужчина мгновенно вскочил на одно колено, как бегун, ожидающий старта, и замер. Звонок умолк, послышалось бормотанье.

Девушка не могла разобрать слов. Но уловила подобострастные интонации. Затем разговор смолк — и в дверях показался один из служащих. Он сделал пригласительный жест и скрылся в доме. Голый мужчина мгновенно побежал — его темная спина мелькнула за стеклянной дверью. Девушка поднялась: лучше отойти подальше —

вернувшись, он может подумать, что она подслушивала. Она подошла к бассейну и грациозно нырнула.

Хотя инстинкт и подсказывал ей многое, лучше не знать, кто был ее пациент.

А им был Донован Грант, или Красный Грант. В последние десять лет его, правда, звали Красногранитским, кличка Гранит.

Это был главный исполнитель смертных приговоров СМЕРШа, смертоносного *аппарата* МГБ¹, и в этот момент по прямой линии госбезопасности он получал указания из Москвы.

Глава 2

Мясник

Мягко положив телефонную трубку, Грант сел, уставясь на нее.

— Тебе пора одеваться, — поторопил его стоявший сзади охранник с головой, похожей на снаряд.

— Они сказали тебе что-нибудь о задании? — Грант великолепно, правда, с заметным акцентом, говорил по-русски. Он мог бы сойти за выходца из какой-нибудь прибалтийской совет-

¹ МГБ — Министерство государственной безопасности СССР.

ской провинции. Его голос звучал ровно и высоко, будто он читал вслух скучную книгу.

— Нет. Только то, что тебя требуют в Москву. Самолет уже вылетел. Он будет здесь примерно через час. Полчаса на заправку и еще три-четыре часа лета — в зависимости от того, сядем ли мы в Харькове. Ты будешь в Москве около полуночи. Тебе надо собираться. Я вызову машину.

Грант возбужденно поднялся:

— Да, ты прав. Но они даже не сказали, намечается ли операция. Я хотел бы это знать. Они ведь звонили по безопасной линии. Могли бы хоть намекнуть, как обычно.

— На этот раз они ничего не сказали.

Грант медленно вышел сквозь стеклянную дверь на лужайку. Если даже он и заметил сидевшую на дальнем краю бассейна девушку, то никак этого не показал. Нагнувшись, он подобрал книгу и золотые побрякушки, после чего вернулся в дом и поднялся в свою спальню.

В уньлой комнате стояли лишь дешевый умывальник с жестяным тазом, металлическая кровать, с которой свисали мятые простыни, плетеное кресло и некрашенный платяной шкаф. На полу валялись английские и американские журналы. На подоконнике — кучка детективных книжек в ярких обложках.

Грант нагнулся и, вытащив из-под кровати

фибровый итальянский чемодан, уложил в него хорошо отглаженную недорогую одежду. Затем торопливо умылся холодной водой с мылом, неизбежно пахнущим розами. И вытерся одной из простыней, снятой с кровати.

Снаружи послышался шум машины. Грант торопливо надел один из своих ничем не примечательных костюмов. Нацепил часы, рассовал по карманам всякую всячину и, подхватив чемодан, спустился вниз.

Входная дверь была распахнута. Грант увидел своих охранников, беседовавших с водителем потрепанного «ЗИСа». «Идиоты! — подумал он, мысленно употребив английский. — Видимо, просят проследить за моей посадкой в самолет. Наверняка не могут себе представить, как иностранец по своей воле может жить в этой проклятой стране». Усмехнувшись, он поставил чемодан у дверей и прошел на кухню, где напялил свою униформу: унылый плащ и черную фуражку, которые обычно носят советские официальные лица. Грубо потрепав по плечу одного из охранников, он сел в машину рядом с водителем в штатском.

Охранники стояли молча, тяжело глядя на Гранта. Водитель дал газ, и машина, взревев мотором, рванула по пыльной дороге.

Вилла находилась на юго-восточном побере-

жье Крыма, где-то посредине между Ялтой и Феодосией. Это была одна из многих казенных *дач* в этом популярном месте Русской Ривьеры. Красный Грант знал, что иметь виллу здесь, а не в сумрачных пригородах Москвы — привилегия. В то время как машина поднималась в горы, он думал о том, что с ним обращались настолько хорошо, насколько это было возможно, хотя забота и была двуличной.

Сорок миль¹ до симферопольского аэропорта заняли час езды. Других машин на дороге не было, а случайные телеги с виноградников при звуках их сигнала быстро сползали в придорожные канавы. Как и везде в России, машина означала собой власть, а власть означала опасность.

На всем пути их сопровождали плантации роз вперемешку с виноградниками, изгороди розовых кустов на обочинах дороги, а неподалеку от аэродрома встретила огромная клумба из белых и красных роз, которые образовали красную звезду на белом поле. Эти розы Гранту смертельно надоели, и он был рад предстоящему полету в Москву — подальше от их противного аромата.

Они проехали сквозь гражданский аэропорт,

¹ Милья — 1609 м.

а затем с милю неслись вдоль высокой стены по военной территории. У высоких ворот с колючей проволокой водитель показал двум охранникам с автоматами свой пропуск. На аэродроме стояли покрытые защитной краской транспортники, обычные и маленькие двухмоторные учебные самолеты, а также два военно-морских вертолета. Водитель остановился и спросил мужчину в комбинезоне о самолете Гранта. Сразу же из громкоговорителя на наблюдательной вышке залаял металлический голос:

— Налево. В самом конце, налево. Индекс В-БО.

Водитель послушно повел машину по аэродрому, как вдруг металлический голос снова гавкнул:

— Стоять!

Водитель затормозил — и над их головами что-то оглушительно заревело. Оба — и Грант, и водитель — инстинктивно пригнулись: четыре «МиГ-17» вылетели из закатного солнца и пронеслись на посадку. Один за другим они приземлились на огромные посадочные полосы и, ревя моторами и выдыхая голубой дым из сопел, развернулись к своим ангарам.

— Поехали!

Через сто ярдов они подкатали к самолету с опознавательными знаками В-БО. Это был двухмоторный «Ил-12». Машина остановилась у не-

большой алюминиевой лестницы, свисавшей из самолета. В дверном проеме появился один из членов экипажа, который спустился вниз, тщательно изучил удостоверения водителя и Гранта, жестом отправил водителя и так же молча пригласил Гранта к лестнице. Он не предложил Гранту помочь с чемоданом. Но тот забрался по лестнице так легко, словно нес томик стихов. Летчик подтянул лестницу, закрыл люк и ушел в кабину.

В салоне было двадцать пустых кресел. Грант выбрал самое ближнее к люку и пристегнулся ремнем. Короткие переговоры с наблюдательной вышкой, вой и кашель моторов — и самолет легко, как автомашина, развернулся, подъехал к взлетной полосе, без особых приготовлений разогнался — и взлетел в воздух.

Грант отстегнулся, зажег сигарету «Тройка» с золотым ободком и, с удобством откинувшись в кресле, предался воспоминаниям о прошлом и размышлениям о будущем.

Донован Грант был результатом ночного союза между немецким профессионалом-штангистом и официанткой из Южной Ирландии. Союз длился четверть часа на сырой траве у циркового тента в окрестностях Белфаста. Затем отец вручил матери полкроны, и она, счастли-

вая, пошла домой спать — на кухне стационарного буфета.

Почувствовав, что беременна, она отправилась к своей тетке в пограничную деревеньку Офмаклой. Где спустя шесть месяцев умерла от родовой горячки, предварительно произведя на свет двенадцатифунтового¹ младенца. Перед смертью она попросила назвать его Донованом (штангист называл себя «Могучий О'Донован») Грантом (по своей собственной фамилии).

Тетка воспитывала мальчика заботливо. Он рос здоровым и необычайно сильным, хотя и очень тихим. Он не общался с другими детьми, а когда ему было что-нибудь от них нужно, действовал запросто — кулаками. В школе его боялись и не любили, хотя он и прославился как боксер и борец на местных ярмарках, где кровавая ярость, совмещенная с коварством, приносила ему победу над более сильными и взрослыми юношами.

Этими победами он привлек внимание шинфейнеров² и местных контрабандистов, которые использовали Офмаклой как главный перевалочный пункт для вылазок в Северную Ирландию.

¹ Фунт — 453,6 г.

² Здесь — функционеры Шин Фейн, Ирландской национальной партии.

дию. Бросив школу, Грант стал боевиком обеих групп. Ему хорошо платили за работу, но старались видеть как можно реже.

Именно в это время его тело стало ощущать в полнолуния странные и мощные импульсы. Однажды в октябре, на шестнадцатом году жизни, когда на него впервые нахлынули «чувства», как он это позднее назвал, Грант удушил кошку. В течение всего последующего месяца он «чувствовал себя лучше». В ноябре его жертвой стал большой сторожевой пес, а под Рождество он пробрался в соседский хлев и перерезал горло корове. После всего этого он «чувствовал себя хорошо». У него хватило ума сообразить, что по деревне поползут слухи о загадочных убийствах, — и, купив велосипед, он раз в месяц стал уезжать из деревни. Часто ему приходилось далеко колесить в поисках удовлетворения, и как-то раз, после двухмесячных расправ с цыплятами и гусями, он перерезал горло спящему бродяге.

Ночами встречалось так мало людей, что Гранту пришлось выезжать в отдаленные деревни загодя и поджидать в сумерках припозднившихся крестьян или идущих на свидание девушек.

Когда он впервые убил случайно встреченную девушку, он ничего другого с ней не «сде-

лал». Те вещи, о которых так много вокруг говорили, его не интересовали. Только чудесный акт убийства — ничего больше! Он позволял ему «чувствовать себя лучше».

Когда он приблизился к восемнадцатилетию, по деревням поползли тяжелые слухи. Они переросли в панику, когда среди бела дня была удушена и небрежно спрятана в стог женщина. Крестьяне образовали свои отряды, полиция рыскала с ищейками, а журналисты строчили истории о «лунном убийце». Гранта с его велосипедом несколько раз останавливали и допрашивали, но его всегда выручали сильная протекция в Офмаклое и рассказы о тренировках: теперь он был гордостью деревни и претендентом в североирландские чемпионы по борьбе.

Инстинкт снова спас его от разоблачения: он покинул Офмаклой и перебрался в Белфаст, где вверил себя в руки менеджера, пожелавшего сделать из него профессионального боксера. Дисциплина на тренировках была очень строгой, почти тюремной. Однажды его едва не вышвырнули на улицу: в тот день кровь снова закипела в его венах — и он едва не забил до смерти своего спарринг-партнера; спас Гранта только выигрыш в чемпионате.

Он стал чемпионом в 1945 году, когда ему стукнуло восемнадцать. После этого его призвали по

воинской повинности — и он стал шофером Королевского сигнального корпуса. Служба в Англии смягчила его; по крайней мере, он стал осторожнее в периоды своих «чувств». Теперь в полнолуние он просто напивался. Взяв бутылку виски, он уходил в олддершотские леса, где осушал ее до дна, хладнокровно следя за своими ощущениями, пока не терял сознания. Рано утром он возвращался в лагерь, мало удовлетворенный, но не опасный. Когда его ловил патруль, Грант отделывался сутками карцера — начальство бергло его для армейских чемпионатов.

Один из чемпионатов он пропустил: в результате Коридорного конфликта с русскими¹ подразделение Гранта неожиданно перевели в британский сектор Берлина. Постоянный дух опасности в Берлине Гранту понравился, хотя он стал еще более осторожен. В полнолуние он по-прежнему мертвецки напивался, но на трезвую голову все время наблюдал и раздумывал. Ему нравилось то, что он слышал о жестокости и коварстве русских, об их пренебрежении к человеческой жизни. Грант решил перебежать к ним. Но как? Чем их задобрить? Чего они хотят?

Новый чемпионат, который случайно состоялся в полнолуние, окончательно определил его

¹ Имеется в виду конфликт в результате запрета проезда в Западный Берлин по советской оккупационной зоне.

решение. Грант, выступавший за Королевский корпус, был неоднократно предупрежден за удары ниже пояса и захваты, а в третьем раунде дисквалифицирован за неспортивное поведение. Весь стадион освистал его, и громче всех — его собственное подразделение. Наутро командир холодно сообщил Гранту, что он опозорил Королевский корпус и ближайшим транспортом будет отправлен домой. До перевода в Ковентри его определили в мотоциклетную службу связи, ибо никто в корпусе работать с ним вместе не соглашался.

Это весьма устроило Гранта. Он выждал несколько дней и однажды, забрав дневную почту из штаб-квартиры военной разведки на Рейхсканцлерплац, направился к русскому сектору. Притаившись с включенным мотором около британского пропускного пункта, он дождался момента, когда на восток была пропущена машина, и, прорвавшись сквозь закрывающиеся ворота, затормозил у бетонной коробки русского пограничного поста.

Гранта грубо затолкали в караульную. Сидевший за столом офицер с деревянным выражением лица спросил, что ему надо.

— Мне нужна советская секретная служба, — спокойно ответил Грант. — Мне нужен ее начальник.

Офицер холодно уставился на него и сказал что-то по-русски. Солдаты попытались вывести Гранта. Тот легко стряхнул их с себя. Один из солдат поднял свой автомат.

Грант спокойно и отчетливо произнес:

— У меня полно секретных бумаг. Они — в моем мотоцикле. — Тут его осенило: — Вам будет плохо, если вы не свяжитесь со своей секретной службой.

Офицер сказал что-то солдатам, и те отошли.

— У нас нет секретной службы, — произнес он на ломаном английском. — Сядьте и заполните эту бумагу.

Грант сел за стол и стал заполнять длинную анкету для въезжающих в Восточную зону: имя, адрес, род занятий и так далее. Офицер тем временем тихо и отрывисто говорил по телефону.

Когда Грант закончил, в комнату вошли еще несколько солдат и офицеров в уродливых зеленых фуражках и с зелеными знаками отличия на униформах цвета хаки.

Офицер-пограничник протянул им анкету Гранта, даже не заглянув в нее. Гранта вместе с его мотоциклом загрузили в фургон и заперли. Спустя четверть часа быстрой езды фургон остановился, Гранта провели во двор, а потом и внутрь огромного здания, где оставили одного в камере без окон. Из мебели в ней была лишь металличе-

ская скамья. Через час, в течение которого, как он предположил, просматривались секретные бумаги, его отвели в уютный кабинет, где за столом сидел офицер с тремя рядами наград и с золотыми погонами полковника.

На пустом столе стоял кувшин с розами.

Десять лет спустя Грант, глядя в иллюминатор на море огней под самолетом (он предположил, что это был Харьков), угрюмо усмехнулся своему отражению.

Розы. С того момента в его жизни были одни розы. Розы, розы — всюду.

Глава 3

Аспирантура

— Итак, мистер Грант, вы хотите работать в Советском Союзе?

Прошло полчаса, и полковник МГБ уже устал от допроса. Он считал, что вытянул из этого весьма неприятного британского солдата все подробности, имевшие военный интерес. Несколько вежливых фраз благодарности за секретные бумаги, и его можно будет отправить обратно в камеру. А затем — обычным порядком: в Воркуту или иной трудовой лагерь.

— Да, я хотел бы на вас работать.

— А что вы умеете, мистер Грант? У нас полно неквалифицированных рабочих. Нам не нужны водители грузовиков, — полковник ухмыльнулся. — Если нам понадобятся боксеры, мы их найдем. Найдем даже двух олимпийских чемпионов.

— Я — мастер по убийствам. Я делаю это очень хорошо. Я люблю это.

Полковник увидел, как в бледно-голубых глазах Гранта вспыхнул красный огонек. «Он так же безумен, как и неприятен», — подумал полковник. Он холодно смотрел на Гранта, прикидывая, стоит ли тратить на него продовольствие в Воркуте. Может, лучше пристрелить его? Или вышвырнуть обратно в британский сектор — пусть его люди сами с ним возятся.

— Вы мне не верите! — сказал возбужденно Грант (он попал не к тому человеку, не в тот департамент!). — Кто делает для вас грязную работу? — Он был уверен, что у русских есть отдел убийств; так говорили все. — Позвольте мне поговорить с ними. Я убью кого-нибудь для них. Кого угодно, сейчас же.

Полковник кисло на него взглянул (может, действительно стоит доложить?).

— Подождите. — Он поднялся и вышел, оста-